

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1986

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

КИПЧАКИ В РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ

Народы от имен не пачинаются, но имена народам даются. Иные от самих себя и от соседей единым называются. Иные разумеются у других под званием, самому народу необыкновенным или еще неизвестным. Нередко новым проименованием старинное помрачается или старинное, перешед домашние пределы, за новое почитается у чужестранных.

(Ломоносов М. В. Древняя Российская история. — Полн. собр. соч. М., 1962, т. 6, с. 178).

Более тысячи лет назад в сочинениях разноязыких авторов появилось название племени, именовавшегося на Руси половцами, в Центральной Европе — команам, а на Востоке — кипчаками.¹ Мусульманские историографы и русские летописцы знают кипчаков-половцев как племя многочисленное и сильное, именем которого стала называться вся Великая степь — Дешти-и Кипчак («Половецкое поле»). Нет, однако, ни одного повествования того времени, где бы рассказывалось о прошлом кипчаков. Даже легенды о происхождении кипчаков, призванные объяснить сам энтоним, возникли, по словам В. В. Бартольда, «в более поздней народной и ученой этимологии».²

Отсутствие каких-либо упоминаний о кипчаках ранее VIII—IX вв. кажется загадочным и заставляет предположить, что такого рода информацию содержат в зашифрованной для нас форме уже известные источники.³ Для проверки этого предположения вернемся к самому раннему случаю фиксации этнонима кипчак.

В 1909 г., во время своего путешествия по Монголии, Г. Рамстедт обнаружил в котловине Могон Шине Усу, южнее р. Селенги, стелу с руническим текстом. Первооткрыватель назвал памятник «надписью из Шине Усу» или, в другом месте, «Селенгинским камнем». Надпись оказалась частью погребального сооружения Элетмиш Бильге-кагана (747—759), одного из создателей Уйгурского каганата (744—840).⁴ Значительная часть надписи посвящена войнам уйгуров с тюркскими каганами в 742—744 гг.

В четвертой строке северной стороны стелы Рамстедт прочел: *tör. . . b^ac³q älig jyl olurmuş*, а в примечании отметил: «возможно и чтение *tür[k] [qy]bčaq*».⁵ В русском переводе надписи автор

более уверенно интерпретировал начальную часть строки: «Когда турки-кипчаки властвовали [над нами] пятьдесят лет. . .».⁶ Действительно, в 691—742 гг. тюрки были сюзеренами токуз-огузов, которых тогда возглавляли уйгуры.

Реконструкция Рамstedтом племенного названия кипчак в эпиграфии Элетмиш Бильге-кагана не вызвала доверия у наиболее осторожных исследователей. Во всяком случае, В. В. Бартольд, П. Пельо и В. Ф. Минорский в своих работах о кипчаках, игнорируя чтение Рамstedта, предпочли отнести первое упоминание этнонима к списку тюркских племен у Ибн Хордадбега (IX в.).⁷ Позднее, впрочем, чтение Рамstedта безоговорочно принималось многими филологами и историками.

Эстампажи надписи из Шине Усу, изготовленные Рамstedтом, ныне хранятся в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Обращение к ним не прояснило чтения начальной части четвертой строки. От предполагаемого $qrb\check{c}q$ ($qub\check{c}aq$) сохранились лишь два последних знака: $\check{c}q$. Поэтому во время полевых работ в Монголии в 1974—1975 гг. вместе с моим монгольским коллегой М. Шинеху я ревизовал чтение надписи.⁸ Мы оба пришли к заключению, что чтение первого слова как $türk$ безусловно верно, а реконструкция $[qu]b\check{c}aq$, судя по следам знаков, сохранившихся в подвергшейся эрозии части строки, вполне обоснована.

Хотя предложенное Рамstedтом слитное чтение «турки-кипчаки» грамматически правомерно, оно вряд ли приемлемо. Надписи не знают случаев слияния или отождествления в унитарном написании двух этнонимов. Более того, семантика каждого этнического имени строго определена и не имеет расширительного значения. Поэтому, видимо, следует предпочесть обычное для рунических текстов чтение стоящих подряд этнонимов как самостоятельных имен: «тюрки и кыпчаки (кывчаки)».⁹

Совместное упоминание тюрков и кипчаков в контексте, указывающем на их политический союз и военное единство (вместе властвовали над уйгурами), никак не проясняется сведениями других источников. Для поиска объяснения обратимся к тем руническим надписям, где тюрки упомянуты совместно с другими племенами.

Надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана (Кошоцайдамские памятники) называют рядом с $türk\ bodun$ «тюркским племенным союзом» лишь многочисленный и могущественный племенной союз токуз-огузов. Рассказывается о его покорении в 687—691 гг. и о войнах с ним в 714—715 и 723—724 гг.¹⁰ Оба племенные союза никоим образом не отождествляются. В племенном союзе токуз-огузов господствовали «десять уйгурских (племен)» ($on\ u\gamma ur$).¹¹ Именно вождь «десяти уйгуров» и глава «десяти огузов», Элетмиш Бильге-каган, называет время существования второго Тюркского каганата (681—744) десятилетием господства над уйгурами «тюрков и кыпчаков».

Надпись Тоньюкука, советника и родственника первых трех

тюркских каганов, повествуя о тех же событиях, что и Кошоцайдамские тексты, совершенно иначе обозначает правящую племенную группу Тюркского эля. Пока Тоньюкук рассказывает о времени, предшествующем образованию каганата (подчинение Китаю), он, так же как и автор Кошоцайдамских текстов, упоминает лишь «тюркский племенной союз». Но с момента восстания тюрков и образования тюркского государства в «земле Отюкен», то есть после переселения в Хангай, в Северную и Центральную Монголию, обозначение *türk bodun* «тюркский племенной союз» заменяется обозначением *türk sir bodun* «тюркский и сирский племенной союз (племенные союзы)» (Т. 3, 11, 60—62). Коренная территория второго Тюркского каганата, Отюкенская чернь, названа «страной племенного союза (племенных союзов) тюрков и сиров» (Т. 3, 11, 60), но ее властелин именуется «тюркским каганом» (Т. 58). Вождя сиров в разрушенном контексте упоминает памятник из Ихе Хушоту, близкий по времени Кошоцайдамским текстам. Там он назван *sir irkin* «иркин сиров». ¹² В заключительной строке надписи Тоньюкука (Т. 62) «племенной союз тюрков и сиров» и «племенной союз огузов» поименованы как два отдельных объединения. ¹³

Однако племена сиров несколько иначе, чем надпись Тоньюкука, упоминает и памятник в честь Бильге-кагана. Его преамбула, впервые правильно прочитанная Т. Текином, содержит обращение кагана к подданным, сохранившееся не полностью: [türk?] [allty sir toquz oğuz eki ädiz kerekülüg begleri boduny. . . «. . . О, живущие в юртах беги и простой народ. . . [тюрков?], [ше]сти (племен) сиров, девяти (племен) огузов, двух (племен) эдизов!» (БКБ 1). ¹⁴ Автор надписи в честь Бильге-кагана, Йоллыг-тегин, в обращении от имени своего покойного сюзерена воззвал к «бегам и простому народу» тех племен, чье отношение к династии определяло по меньшей мере целостность эля. Сирь здесь упомянуты раньше огузов, что фиксирует их приоритет в иерархии племен. Если Тоньюкук выделяет сиров как ближайших союзников тюрков, причастных к власти над страной и покоренными племенами, то Йоллыг-тегин, хотя и не столь отчетливо, выделяет высокое положение сиров в этнополитической структуре каганата.

Суммируем сведения рунических памятников о преобладающих в Тюркском эле племенных союзах (см. с. 156).

Господствующую группу племен, которую собственно тюркские памятники именуют «тюрками и сирами», уйгурский (огузский) памятник из Шине Усу называет «тюрками и кыбчаками». Напрашивается вывод, что при обозначении одного и того же племенного союза, в какой-то мере делившего власть с тюрками, тюркские памятники пользуются этнонимом **сир**, а уйгурский памятник — этнонимом **кыбчак**. Иными словами, оба эти этнонима тождественны, а различия их употребления применительно к известному авторам надписей племени (племенному союзу) проистекают из политических или каких-то иных причин.

- Памятник	Племенные союзы	Политический статус
Памятник Тоньюкука, около 726 г., стк. 3, 11, 60—62	Тюрки и сирь Огузы	Господствующая группа племен Подчиненная группа племен
Памятник Бильге-кагана, 735 г., вся сумма упоминаний назвавшихся племенных союзов	Тюрки Шесть сиров Девять огузов, два эдиза	Господствующее племя Второе в иерархии племя Подчиненные племена
Памятник Элетмиш Бильге-кагана из Шине Усу, 760 г., стк. 4	Тюрки и кыбчаки Уйгуры	Господствующая группа племен Подчиненные племена

Представленный вывод требует проверки, то есть ответа на вопросы: кто были сирь? Когда и где обитал этот племенной союз? Какие обстоятельства привели к слиянию тюрков и сиров в единую этнополитическую группу? Какова судьба сиров-кыбчаков в государствах тюрков и уйгуров?

Еще в 1899 г. Ф. Хирт предположил, что известные по китайским источникам племена се и яньто, составившие конфедерацию сеяньто, и вместе с теле и туцзюэ часто упоминаемые при описании событий первой половины VII в., по-тюркски именовались сирами и тардушами (сир-тардуши).¹⁵ Это предположение получило известное распространение, но уже в 1904 г. было решительно отвергнуто В. В. Бартольдом.¹⁶ В 1932 г. И. А. Ключин доказал ошибочность отождествления этнонима яньто (ямтар орхонских надписей?) с названием военно-административного объединения (крыла) западных племен каганата — тардуш.¹⁷ А вслед за тем П. Будберг, не отвергая уравнения се/сир, окончательно ликвидировал «сир-тардушский фантом» (выражение Будберга).¹⁸ Было опровергнуто и другое ошибочное отождествление Хирта, толковавшего название племенного союза теле как древнетюркское телис — общее наименование объединения племен, живших на востоке каганата. Позднее выводы Будберга были подтверждены и развиты Э. Пуллиблэнком и К. Цегледи.¹⁹

Таким образом, было установлено, что: а) этноним, обозначенный в китайской транскрипции как се (siet), соответствует sig тюркского памятника; б) племя, именовавшееся в китайских источниках сеяньто, в надписи Тоньюкука названо сир.

Первые сведения о племенах се и яньто весьма фрагментарны. Яньто упомянуты среди гуинских племен, перекочевавших на территорию государства Раннее Янь (337—370), то есть в степь восточнее Ордоса. Шаньюй Халатоу, возглавивший перекочевку подвластных ему 35 тыс. семей, правил, по всей вероятности, в 356—358 гг. Несколько позднее яньто были покорены своими соседями, племенем се (сир), истребившим правящие роды яньто и подчинившим остальную часть племени. Новую конфедерацию

возглавил правящий род сиров, Илиту (*Ильтэр).²⁰ В обозначении названия племенной группировки, существовавшей с IV—VII вв., китайские историографы механически соединили два этнонима и название господствующего племени сиров слилось с названием подчиненного племени. В тюркских памятниках соответственно законам древнетюркской этнонимии это механическое соединение двух имен отсутствует, там названо лишь главенствующее племя — сирь. Нет оснований полагать, что сами сирь сохраняли в самоназвании этнонимическое сочетание, обязанное своим возникновением этиологической тенденции китайской историографии.

После крушения империи жуань-жуаней (551 г.) сеяньто стали вассалами тюркских каганов. Значительная их часть жила в Хангае, другие переселились в горы Тяньшань (Восточный Тянь-Шань). В обеих редакциях Тан шу упоминается, что «их (сеяньто) административная система, оружие и обычаи почти такие же, как у тюрков».²¹ В конце VI в., после распада Тюркского каганата, тяньшаньские сеяньто оказались в подчинении у западнотюркских ябгу-каганов. Вместе с некоторыми племенами теле, к числу которых их относят источники, сеяньто кочевали между Восточным Тянь-Шанем и юго-западными отрогами Алтая. Хангайскую группу сеяньто около 600 г. потеснило телеское племя сикер (кит. сыцзынь).²²

В 605 г. западнотюркский Чурын-ябгу-каган (кит. Чулюйеху-кэхань), опасаясь мятежа тяньшаньских сеяньто, «собрал в большом числе и казнил их вождей». Сразу же началось восстание и переселение на восток части племен теле. Несколько неудачных столкновений с западными тюрками понудили сеяньто покинуть Тянь-Шань. Семьдесят тысяч их семей во главе с вождем Инанчу-иркином откочевали на свои древние земли южнее р. Толы и подчинились восточнотюркским каганам. В 619 г. Элькаган (кит. Хйели-кэхань) назначил для управления сеяньто своего младшего брата, получившего высший после каганского титул шад.²³

После того как наместник кагана собрал с новых подданных «беззаконные подати», те «вышли из повиновения ему». Сильная группировка телесных племен, возглавленная сеяньто и уйгурами, нанесла Элькагану столь серьезное поражение, что он бежал в свои южные земли, к Иньшаню, оставив Хингай-восставшим племенам (628 г.). Тюркские племена, оставшиеся в Хангае, влились в состав сеяньто. Так было положено начало «племенному союзу тюрков и сиров».²⁴

В 630 г., после неудачных сражений с танскими войсками, Элькаган попал в плен. Самостоятельное существование первого Тюркского каганата прекратилось. В Хангае соперничали за власть сеяньто и уйгуры. Уже в 629 г. и те и другие прислали ко двору Тайцзуна отдельные посольства. Поддержку танского двора получили сеяньто, и их вожь Инанчу-иркин провозгласил себя Йенчу Бильге-каганом (кит. Чжэньчжу Бицзя-кэхань).

По мнению К. Цегледи, именно в это время произошел раскол внутри союза десяти племен теле, сложившегося в Северной Монголии в начале VII в. Сеяньто, возглавлявшие племена, вышли из союза, и главенствующее положение там заняли уйгуры. Тем самым завершилось формирование могущественной племенной конфедерации токуз-огузов.²⁵ После 630 г. токуз-огузы оказались скорее вассалами, чем союзниками сирского кагана и, очевидно, первоначально смирились с этой ролью. Во всяком случае, в 630—640 гг. они уже не посылали самостоятельных посольств к танскому двору. Нет сообщений и о столкновениях между ними и сеяньто.²⁶ В Северной Монголии появилось новое государство — Сирский каганат во главе с династией Ильтэр. Его границами стали Алтай и Хинган, Гоби и Керулен.²⁷ На севере каган сеяньто подчинил страну енисейских кыргызов и держал там «для верховного надзора» своего наместника — эльтебера.²⁸

Йенчу Бильге-каган принял в своем государстве ту же административную структуру, которая существовала в Тюркском каганате. Возродились два территориальных объединения племен — «западное крыло» тардушей и «восточное крыло» телисов. Во главе тардушей и телисов были поставлены сыновья Йенчу, шады, получившие затем титулы «малых каганов». Сам Йенчу учредил свою ставку на северном берегу Толы. В центре Отюкенской черни сложился новый племенной союз — объединение сеяньто и тюрков при главенствующем положении сирской династии.

Тайцзун был серьезно обеспокоен возникновением на северных рубежах империи сильного государства кочевников. Единственным приемлемым для него решением оказалось восстановление вассального и небольшого по размерам государства тюрков, способного прикрыть северную границу. Тюркские племена, переселенные в 630 г. на юг от Хуанхэ, были возвращены в горную область Иньшаня (Чугай кузы тюрков) и степи севернее Ордоса (Кара-кум), на южные земли Эль-кагана и в его южную ставку (Хэйшачэн «город Черных песков» китайских источников). Тюрков возглавил близкий родственник Эль-кагана Ашина Сымо, принявший каганский титул. Новый каган был лично предан Тайцзуну и пользовался его полным доверием, но не имел авторитета у своих сородичей.²⁹

Обеспокоенный появлением соперника и опасавшийся за судьбу союза с хангайскими тюрками, Йенчу Бильге-каган принял ответные меры. В декабре 641 г. войско из сеяньто и токуз-огузов во главе с сыном Йенчу, Тардуш-шадом, пересекло Гоби. Ашина Сымо успел скрыться за Великой стеной, а сеяньто оказались втянутыми в войну с империей и потерпели поражение. Начались переговоры о «мире и родстве», которые тянулись более трех лет.

После смерти Йенчу его младший сын Бачжо убил своего брата и захватил власть. В 646 г. огузские племена, страдавшие от притеснений Бачжо, обратились за помощью к Тайцзуну.

Их послы жаловались, что Бачжо «жесток и беззаконен, не способен быть нам господином». ³⁰ Против кагана сеяньто был заключен военный союз империи с токуз-огузами. В июне 646 г. токуз-огузы во главе с вождем уйгуров, «великим эльтебером» Тумиду, напали на сеяньто и нанесли им тяжелое поражение. Бачжо бежал, но был достигнут уйгурами. «Хойху (уйгуры) убили его и истребили весь его род». ³¹ Поражение сеяньто в Хангае довершили китайское войско и действовавшие с ним совместно два тюмена уйгурской конницы. Государство сеяньто прекратило существование. Многие роды были истреблены, многие угнаны в Китай.

Гибель могучего племенного союза оказалась столь внезапной и полной, что породила среди остатков сеяньто легенду о злом вмешательстве сверхъестественных сил. Легенда представлялась убедительным объяснением событий и в степи была общеизвестна. Во всяком случае, китайскими историографами она была зафиксирована в нескольких весьма близких вариантах. ³² Приведем более короткий вариант.

«Прежде, перед тем, как [се]яньто были уничтожены, некто просил еды в их племени. Отвели гостя в юрту. Жена посмотрела на гостя — оказывается у него волчья голова [волк считался прародителем уйгуров, — С. К.]. Хозяин не заметил. После того как гость поел, жена сказала людям племени. Вместе погнались за ним, дошли до горы Юйдугюнь [Отюкенская чернь, — С. К.]. Увидели там двух людей. Они сказали: „Мы — духи (боги). [Се]яньто будут уничтожены“. Преследовавшие испугались, отступив, убежали. Из-за этого потеряли их. И вот теперь (сеяньто) действительно разбиты под этой горой». ³³

Спасшиеся после разгрома племени сеяньто частью бежали в Западный край, на земли, покинутые двадцать лет назад. В 647—648 гг. там с ними сражался Ашина Шэр, тюркский царевич на танской службе, взявший тогда для Тайцзуна Кучу. ³⁴ Другая часть сеяньто осталась на прежних кочевьях в Хангае. В 668 г. их попытка возродить свою независимость была подавлена по приказу императора Гаоцзуна тюркским отрядом. ³⁵ Однако в 679—681 гг. сеяньто поддержали восстание тюрков в Северном Китае. Вместе с тюрками они сражались с танскими войсками в Черных песках и несли тяжелые потери. ³⁶

Дальнейшая история сеяньто — это история «племенного союза тюрков и сиров», в котором главенствующая роль принадлежала тюркам. ³⁷ Сирь были верны союзу. Вместе с тюрками они восстали против помыкавших их племенами китайских управителей и стали грозными противниками Танской империи. В войске Ильтериш-кагана и Тоньюкука они мстили уйгурам за гибель сородичей в резне 646 г. Вместе с тюрками они отвоевали Отюкенскую чернь, «страну тюрков и сиров». В середине 40-х годов VIII в., после гибели государства и «племенного союза тюрков и сиров», они разделили судьбу тюрков. Но судьба названий обоих племен была различна. Этноним *тюрк* не только сохранился, но и воз-

родился как политический термин, утратив прежнюю этническую определенность. Этноним *сир* после 735 г. не упоминает ни один известный источник, но уже во второй половине VIII в. в руническом тексте и в первом арабском списке тюркских племен появляется этноним *кыбчак* ~ *кыфчак*.³⁸

Ситуационная однозначность употребления этнонимов *сир* и *кыбчак* ~ *кыбчак* в тюркских и уйгурском рунических памятниках, весьма близких по времени написания и полемизирующих друг с другом, свидетельствует, что оба этнонима, древний и новый, некоторое время сосуществовали и были понятны читателям текстов. Выбор названия авторами памятников, принадлежавших к двум враждебным племенным группировкам, мог быть, следовательно, либо случайным, либо мотивированным, но не зависел от хронологии памятников или разницы в этнической терминологии тюрков и уйгуров — во всех поддающихся проверке случаях такая терминология совпадает.

Очевидно, что появление нового этнического термина связано с примечательными и всем известными обстоятельствами, явилось ответом на событие, коренным образом повлиявшим на судьбу сирских племен. Таким событием, ближайшим по времени к эпохе рунических памятников, было массовое истребление сиров уйгурами и китайцами, гибель их государства и правящего рода. Естественным отражением этих событий была семантика нового племенного названия.

Нарицательное значение слова *quvcaq* ~ *quvcaq* в языке древнетюркских памятников сомнений не вызывает: «неудачный», «злосчастный», «злополучный»; в устойчивом парном сочетании *quvcaq qovu* ~ *quvcaq qobu* «пустой», «никчемный» (по значению второго компонента); ср. также однокоренное с *qovu* слово *qovuc* ~ *qobuc* с тем же значением.³⁹

Семантика этнонима прозрачна и не требует сложного анализа. Труднее определить причины этнонимической субстантивации распространенного адъектива. Связано ли становление названия с изменением этнического самосознания племени, результатом чего и стал новый автоэтноним? Или старый этноним постепенно вытесняется аллоэтнонимом, то есть названием, полученным извне, из словарного обихода иной племенной группировки?

По-видимому, объяснение кроется в одной из самых универсальных особенностей религиозно-магического мышления — представлении о неразрывной связи между предметом (существом) и его названием (именем). В частности, у тюркских и монгольских народов и поныне существует некогда очень обширный класс имен-оберегов. Так, детям или взрослым обычно после смерти предыдущего ребенка или члена семьи (рода), а также после тяжелой болезни или пережитой смертельной опасности дают имя-оберег с уничижительным значением или новое охранительное имя, долженствующее ввести в заблуждение преследующие человека (семью, род) сверхъестественные силы, вызвавшие несчастье.⁴⁰

Совершенно та же ситуация применительно к целому племени сложилась у сиров после междоусобиц и резни 646—647 гг., когда остатки прежде богатых и могущественных сирских родов с трудом отстаивали право на жизнь. Сирская легенда приписала все несчастья злобе божеств (духов), решивших извести племя. И, следовательно, надежным мог оказаться только тот путь спасения, который укрыл бы остатки сиров от мести кровожадных духов, отождествленных легендой с предками-прародителями враждебного племени — уйгуров. Средством спасения стало название племени, принятие прозвища-оберега с уничижительным значением («злосчастные», «никчемные»), возникшего скорее всего как подмена этнонима в ритуальной практике.

Политическая оценка сосуществовавших какое-то время старого этнонима и воспринявшего этнонимические функции прозвище-оберега возникла не сразу. Очевидна зависимость такой оценки от меняющейся ситуации, от соотношения сил разных племенных союзов. В возрожденном Тюркском каганате имя сиров превалировало над прозвищем. С древним этнонимом было связано право на владение коренной территорией («земли тюрков и сиров»), право на совластие. Пока сирь, знатнейшие из телеских (огузских) племен, хотя бы де-юре делили власть с тюрками, законность их господства над огузами не могла быть подвергнута сомнению.

Для уйгуров, давних соперников сиров, подмена древнего названия этого племени уничижительным прозвищем была как нельзя более кстати. Победа над тюрками рисуется уйгурскими руническими памятниками торжеством исторической справедливости и генеалогического легитимизма.⁴¹ Но в сравнении с сирами никакого превосходства, никакого приоритета знатности князья из рода Яглакар не имели. Принятый ими каганский титул в правовых представлениях других огузских племен был по меньшей мере сомнительным. Недаром уже на самых первых порах существования Уйгурского эля разразилось грозное восстание огузов, отказавшихся признать яглакарских каганов. Предать забвению имя сиров, акцентировать их прозвище с уничижительным значением оказалось политически выгодным и необходимым, и вот в памятнике Элетмиш Бильге-кагана племя, делившее власть с тюрками, названо кывчаками.

Прошло немалое время. Были забыты и причины появления имени кывчак и его семантика, малопримлемая для этнического самосознания. Для объяснения этнонима родилась новая легенда. Ее запечатлел многократно перерабатывавшийся эпос огузов. Огуз-каган, именующий себя «уйгурским каганом», духом-покровителем которого был «сивый волк» (kök bögi), мифический предок уйгуров, дарует своим ближним бекам имена, ставшие по легенде эпонимами огузских племен. Один из беков назван Кывчак, и это имя связывается с деревом.⁴² Иной вариант той же легенды, приведенный Рашид-ад-дином и повторенный Абу-л-Гази, уточняет: имя Кывчак связано с дуплистым, пустым внутри

деревом, называемым «кабук» (древнетюрк. *qovuc*).⁴³ Абу-л-Газиз замечает: «На древнем тюркском языке дуплистое дерево называют кыпчак». ⁴⁴ Прежнее значение слова *qubcaq* ~ *quvcaq* сохраняется и закрепляется в понятии «пустое, дуплистое дерево». А семантический спектр более употребительного *qovu*, позиционно связанного с *quvcaq* в устойчивом парном сочетании, напротив, получает дополнительное частное значение; ср. также у Махмуда Кашгарского: *qovu juca* «трухлявое дерево» *qovu er* «неудачливый человек»; *quv aca* «дуплистое дерево» (Кодекс куманикус); *qovuc ne* «пустая внутри вещь» (Махмуд Кашгарский).⁴⁵

После победы уйгуров в 744 г. тюрки и их союзники были вытеснены из «Отюкенской страны». Северной и западной границами Уйгурского эля стали Саяны и Алтай. А за этими рубежами, на Северном Алтае и в Верхнем Прииртышье археологически фиксируется появление во второй половине VIII—первой половине IX в. усложненных вариантов древнетюркских погребений с конем, представленных большим числом памятников. Позднее, в IX—X вв., этот тип погребений получает развитие в так называемой «сросткинской культуре», приписываемой кимакам и кипчакам.⁴⁶

Окончилась история сиров. Началась история кипчаков, одного из племен Кимацкого каганата.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О кипчакской этнонимии см.: *Pritsak O. The Polovcians and Rus.* — *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, Wiesbaden, 1982, t. 2, p. 321—335. Наиболее тщательный этимологический анализ этнических терминов, связанных с кипчаками, см.: *Коновалов А. И.* К этимологии этнонимов *кыпчак*, *куман*, *кулык*. — *УАЖ*, 1976, Bd. 48, S. 159—166.

² *Бартольд В. В.* Кипчаки. — *Бартольд В. В.* Соч. М., 1968, т. V, с. 550.

³ Попытка реконструировать название упомянутого Сыма Цянем (II в. до н. э.) племени цюйше как кыпчак (*Бернштам А. И.* Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии. — Советская этнография, вып. VI—VII, с. 154) не оправдана фонетически (консультация С. Е. Яхонтова).

⁴ *Ramstedt G. J. Zwei uigurische Runenschriften in der Nord-Mongolei.* — *JSFOu*, 1913, t. XXX, fasc. 3, p. 10—63; *Рамстедт Г. И.* Как был найден Селенгинский камень. — Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского географического общества, СПб., 1914, т. IV, вып. 1, с. 34—49. До восшествия на престол герой надписи носил имя, известное по китайским источникам как Моян-чжо, поэтому появилось еще одно название памятника — «надпись Моюн-чур». Это название, гибридное китайско-тюркское, и реконструированного тюркского титула, во всех отношениях неточно и открывателем памятника не употреблялось.

⁵ *Ramstedt G. J. Zwei uigurische Runenschriften. . .*, S. 13, 44.

⁶ *Рамстедт Г. И.* Как был найден Селенгинский камень, с. 40.

⁷ *Бартольд В. В.* Кипчаки, с. 550—551; *Pelliot P. A propos des Comans.* — *JA*, 1920, sér. 11, t. XV, p. 148—149; *Minorsky V. Hudud al-'Alam, The regions of the world. A Persian geography 372. A. H.* — 982 A. D. London, 1937, p. 315.

⁸ *Кляшторный С. Г.* Эпиграфические исследования в Монголии. — В кн.: Археологические открытия 1975 года. М., 1976, с. 580.

⁹ О соотношении b/v в рунических текстах см.: *Clauson G. Turkish and Mongolian studies.* London, 1962, p. 77—78.

¹⁰ *Кляшторный С. Г.* 1) Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрзана. — Страны и народы Востока, 1980, вып. 22, кн. 2, с. 90—102; 2) Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 41—42.

¹¹ *Hamilton J.* Toquz-oyuz et on-uyuzur. — JA, 1962, t. 250, p. 39—41.

¹² *Clauson G., Tryjarski E.* The inscription at Ikhe Khushotu. — RO, 1974, t. 34, № 1, p. 22; *Tekin T. A.* grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968, p. 258, 294.

¹³ Имеющиеся попытки толкования слова *sig* в надписи Тоньюкука как адекватива были убедительно отвергнуты вслед за В. В. Радловым, И. В. Кормушиным и Д. М. Насиловым; см.: *Кормушин И. В., Насилов Д. М.* За научное глубокое изучение древнетюркских рунических памятников. — СТ, 1972, № 5, с. 141—142. После выявления того же слова в одном из Кошоцайдамских памятников и в надписи из Ихе Хушоту его семантика как этнонима уже не может быть подвергнута сомнению.

¹⁴ *Tekin T. A.* grammar of Orkhon Turkic, p. 243. Упомянутые особо племена эдизов, входившие в огузскую конфедерацию, во время восстания токуз-огузов в 723—724 гг. были опаснейшими врагами тюрок. Битва с ними отдельно оговорена при описании пяти решающих сражений с огузами (КТБ, стк. 44—49). Внутри огузской конфедерации эдизы небезуспешно соперничали с уйгурами, а в 795 г., уже в Уйгурском каганате, на какой-то срок сменили уйгурскую династию Яглакаров. См.: *Hamilton J.* Les Ouighours à l'époque des Cinq dynasties. Paris, 1955, p. 140.

¹⁵ *Hirth F.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. — ATIM, II. F., 1899, S. 129—140.

¹⁶ *Бартольд В. В.* Рец. на: *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. — *Бартольд В. В.* Соч. М., 1968, т. V, с. 350—351.

¹⁷ *Кляшторный И. А.* Новые данные о племени тардушей и толисов. — Вестник Дальневосточного отделения АН СССР, 1932, № 1—2, с. 91—98.

¹⁸ *Boodberg P. A.* Three notes on the T'u-chüeh (Turks). — Publications in Semitic Philology University of California, Berkeley, 1954, t. XI, p. 5—7.

¹⁹ *Pulleyblank E.* Some remarks on the Toquz-oghuz problem. — UAJ, 1956, Bd. 28, S. 35—37; *Czeglédy K.* Coghay-quzi, Qara-qum, Kök-Öng. — АОН, 1962, t. XV, fasc. 1—3, p. 66.

²⁰ Переводы разделов из китайских источников, касающиеся сеяньто см.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950, т. 1, с. 339—343; *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 41—48; *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. SPb., 1903, p. 94—96; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Wiesbaden, 1958, S. 354—358. Изложение и интерпретацию сведений китайских источников см. также: *Позднеев Д.* Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899, с. 53—62; *Малявкин А. Г.* 1) Историческая география Центральной Азии: (Материалы и исследования). Новосибирск, 1981, с. 8, 95—96, 102, 109; 2) Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии. — В кн.: Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980, с. 112—114. Реконструкция имени правящего рода сеяньто принадлежит С. Е. Яхонтову.

²¹ *Liu Mau-tsai.* Die chinesische Nachrichten, S. 354.

²² *Hirth F.* Nachworte. . . , p. 134.

²³ *Chavannes E.* Documents. . . , p. 89, 95—96; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten, S. 354.

²⁴ *Hirth F.* Nachworte. . . , S. 136—137; *Czeglédy K.* Coghay-quzi. . . , p. 65—66.

²⁵ *Czeglédy K.* Zur Stammesorganisation der türkischen Völker. — АОН, 1982, t. 36, S. 90—91.

²⁶ *Малявкин А. Г.* (Тактика Танского государства. . . , с. 112) полагает, что союз уйгуров с сеяньто в 630—646 гг. «был прочным».

²⁷ *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten, S. 355.

²⁸ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений, т. 1, с. 354.

²⁹ *Czeglédy K.* Coghay-quzi. . . , p. 65—66.

³⁰ Кюнер П. В. Китайские известия, с. 37.

³¹ Бичурин П. Я. Собрание сведений, т. 1, с. 343.

³² Один из вариантов легенды со значительными искажениями, изложен Д. Позднеевым (Исторический очерк уйгуров, с. 58—60).

³³ Синь Таншу, 2176 (в переводе С. Е. Яхонтова). Иные варианты сохранились в сууских энциклопедиях X в. Тайшин гуан цзи и Тайшин юй лань.

³⁴ Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten, S. 263.

³⁵ Малавкин А. Г. Тактика Танского государства. . . , с. 114.

³⁶ Бичурин П. Я. Собрание сведений, т. 1, с. 266; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten, S. 241.

³⁷ Г. Е. Грумм-Гржимайло, в целом принявший отождествление сяньто / сир-тардуши, тем не менее правильно объяснил, каким образом возникло имя сиров в тюркском памятнике: «. . . сирь. . . могли добровольно примкнуть к нему (Кутлугу, Ильтериш-кагану, — С. К.) и образовать вместе с турецкими элементами ту основную массу новых турок, о которой надпись в честь Тоньюкука говорит „турк сир будун“ — термин, который иначе не имел бы объяснения» (Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926, т. II, с. 284).

³⁸ О датировке списка тюркских племен у Ибн Хордадбека восьмым веком см., например: Волин С. Извлечения из «Китаб ал-месалик ва-л-мемалик» Ибн Хордадбека. — Материалы по истории туркмен и Туркмении, М.; Л., 1939, т. I, с. 144, примеч. 1; В. И. Беляев относит сведения Ибн Хордадбека к концу VIII—началу IX в. (Беляев В. И. Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX—XIII вв. — Там же, с. 18).

³⁹ ДТС, с. 449, 451, 462, s. v. qivčaq, qovı, qovuq; Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish, Oxford, 1972, p. 581, 583, s. v. kovı, kivçak, kovuk.

⁴⁰ См., например: Жаузаков Т. Ж. Обычаи и традиции казахской антропологии. — В кн.: Этнография имен. М., 1971, с. 101—102; Шатинова Н. И. К истории алтайских имен. — Там же, с. 67; Балчинов Г. Г. Брак и семья у монголов. Улан-Уде, 1964, с. 44; Жуковская П. Л. Заметки о монгольской антропологии. — В кн.: Ономастика Востока. М., 1980, с. 14; Сельвина Р. Л. Калмыцкие личные имена. — В кн.: Этническая ономастика. М., 1984, с. 88.

⁴¹ В историографических разделах уйгурских Терхинской и Тэсинской надписей не раз отмечается, что уйгурское государство, возникшее в 744 г., возродило уже ранее существовавшие государственные традиции уйгуров. Согласно Терхинской надписи, титул «каган» не присвоен правящим родом уйгуров самозванно, а унаследован ими от предков. См.: Кляшторный С. Г. 1) Терхинская надпись. — СТ, 1980, № 3, с. 82—95; 2) Тэсинская стела. — СТ, 1983, № 6, с. 76—90.

⁴² Щербак А. М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959, с. 33, 38—39, 45—46.

⁴³ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952, т. 1, кн. 1, с. 84.

⁴⁴ Конопов А. Н. Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.; Л., 1958, с. 43, 86—87, примеч. 46.

⁴⁵ Clauson G. An Etymological Dictionary, p. 581, 583.

⁴⁶ Археология СССР: Стены Евразии в эпоху средневековья М., 1981, с. 43—44; Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984, с. 103—118; Ахилжанов С. М., Трифионов Ю. И. К происхождению и этнической атрибуции погребальных памятников Верхнего Прииртышья XIII—X вв. — В кн.: Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984, с. 156—181. О кипчаках в составе киманского племенного союза см.: Кумеков В. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 42—44.